

«ОБЛАКА»

26.07.2011

В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйтесь. У микрофона Ирина Новожилова.

Воспоминания тех, кто начинал правозащитное движение, для нынешних граждански активных людей подчас очень узнаваемы, хотя сегодняшние события на площадях наших городов и те немногочисленные выступления годов 60-х разделяют не просто десятилетия, но эпохи. Многих легендарных диссидентов уже нет в живых, кто-то не один десяток лет провел в эмиграции и умер от ностальгии и из-за подорванного в мордовских и пермских лагерях здоровья, кто-то вернулся и по-прежнему «не может молчать».

В августе 1968 года семеро из них вышли на Красную площадь, чтобы выразить свой протест против оккупации советскими и польскими войсками Чехословакии, восставшей против коммунистического режима. Над главной площадью страны у Лобного места звучал лозунг польских повстанцев «За нашу и вашу свободу!». **Наталья Горбаневская**, которая была одним из участников этой маленькой, но ставшей известной всему миру демонстрации, описала это событие в своей книге «Полдень»:

"...Вокруг нас только начал собираться народ, а из дальних концов площади уже мчались те, кто поставил себе немедленной целью ликвидировать демонстрацию. Они налетали и рвали плакаты. Даже не глядя, что там написано. Еще на бегу эти люди начали выкрикивать различные фразы, которые должны были провоцировать толпу...: "Это все жида!" и "Бей антисоветчиков!" "Почти все, кто бил ребят и отнимал плакаты, на короткое время исчезли. Стоящие вокруг больше молчали. Два-три оратора, оставшиеся от той же компании, произносили пыльные филиппики, основанные на двух тезисах: мы их освобождали" и "мы их кормим"; "их" - это чехов и словаков... Или же: "Мы их спасаем от Западной Германии". Или еще лучше: "Что же мы, должны отдать Чехословакию американцам?" И - весь набор великодержавных аргументов, вплоть до ссылки на то, что "они сами попросили ввести войска.

На слова «как вам не стыдно», Наталья Горбаневская сказала: да, мне стыдно, что наши танки в Праге. Люди, которые отнимали плакаты с лозунгами, растерянно метались в поисках машин. Через несколько минут подошла первая машина.

Ребят поднимали и уносили в машины. Почему поднимали – мы решили не сопротивляться, но и не идти самим – пусть несут. За толпой мне не было видно как их сажали. Последним взяли Бабицкого – он сидел позади коляски и ему достался упрек из толпы – ребенком прикрываетесь... «Они что чехи?» - спрашивали в толпе. – Ну и ехали бы к себе в Чехословакию, там бы демонстрировали. В ответ на проповедь одного из оставшихся на месте пристяжных ораторов, я сказал, что свобода демонстраций гарантирована Конституцией. А что, протянул кто-то в стороне, это она правильно говорит.

Наталью Горбаневскую сначала не забирали, и она, отвечая на вопросы толпы, рассказывала, что здесь происходила демонстрация против вторжения советских войск в Чехословакию...

Но вот раздалось требование дать проход и впереди подъезжающей Волги через толпу двинулись мужчина и та самая женщина, что была Павла сумкой, а после, стоя в толпе, ругала и вероятно запоминала тех, кто выражал нам сочувствие. «Ну, что собрались, не видите, больной человек», говорил мужчина. Меня подняли на руки, женщины рядом со мной едва успели подать мне на руки малыша. Сунули в машину... Мужчина, указывая все на ту же женщину, плотную, крепкую, сказал, садитесь, будете свидетелем. «Возьмите еще свидетеля», - воскликнула я, указывая на ближайших в толпе. «Хватит», - сказал он. И свидетельница, которая кстати нигде потом в качестве свидетеля не фигурировала, уселась рядом со мной. Я кинулась к окну, открутила его и крикнула: «Да здравствует свободная Чехословакия!» Посреди фразы свидетельница с размаху ударила меня по губам. Мужчина сел рядом с шофером - «В пятидесятое отделение милиции!» Я снова открыла окно и попыталась крикнуть «Меня везут в 50-е отделение милиции», но она опять дала мне по губам. Это было и оскорбительно и больно. «Как вы смеете меня бить?» - вскрикивала я оба раза, и оба раза она, оскаливаясь, отвечала, «а кто вас бил? вас никто не бил.»

Впервые на Красную площадь горстка людей вышла протестовать против политики партии и правительства. Это было неслыханно. Протестов было много, но этот получил наибольшую известность. Из всех демонстрантов только Наталья Горбаневская осталась на свободе и составила документальную книгу «Полдень». Вадим Делоне был самым младшим из них – ему еще не было двадцати лет - и его очень хотели уберечь от суда.

Продолжает **Наталья Горбаневская**:

А мы все очень старались, чтобы он не узнал о демонстрации, потому что у него за предыдущую демонстрацию уже был условный срок, а это значило, что ему тот условный заменят на безусловный, да еще добавят. И все старались ему не рассказывать. И все-таки одна наша подруга не выдержала и сказала ему, и я думаю, она сделала очень хорошо, потому что для него это был просто звездный час. И он потом сказал на суде: «За пять минут свободы на Красной площади я готов платить годами лагеря.» И заплатил. Вадим Делоне умер в Париже в 83 году, через 15 лет после демонстрации, не дожив до 35 лет. Сердечник с детства и умер от остановки сердца. Но еще его, наверное, доконала страшная ностальгия. В интернете у него книга Вадима Делоне, где он рассказывает и о демонстрации и о лагере, называется она «Портреты в колючей раме».

Наталья Евгеньевна известна не только своим участием в этом легендарном событии, но и тем, что она была первым редактором и составителем «Хроники текущих событий».

Тоже можно сказать «легендарной». 30 апреля 68-го года я, собрав перед тем материалы, села за машинку и напечатала эти, я уж не помню сколько там было страниц – в первом номере что-то 16-17... Составила этот первый номер Хроники текущих событий, потому что перед тем, шли политические процессы, один за другим. Потом у нас только в последние годы появилась информация о послесталинских политлагерях. Думали, ну, вот, все закончилось после Сталина там, XX съезд, доклад Хрущева... У каждого был кто-то знакомый, кто попал в лагерь. Но каждый думал, что это единицы. А потоммы узнали сразу из нескольких источников, что такое мордовские политлагеря. Вот эта информация, информация о том, кто там сидит. Информация о протестах после политических процессов, главным образом, в тот момент это был процесс Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Александр Гинзбург составил книгу, которая называлась «Дело Синявского и Даниэля». А это предыдущий политический процесс. Собрал все документы, запись суда и так далее. Так же как и я составляла запись этого суда из клочков, которые записали родственники подсудимых.

Юрий Галансков – поэт, составитель альманаха «Феникс-66». Это был первый опыт толстого журнала в самиздате. Такие журналы тогда назывались литературно-художественными и общественно-политическими. Галанского и Гинзбурга судили в

начале 1968 года. Процесс сопровождала, по выражению **Натальи Горбаневской**, невероятная кампания протеста.

Что значит невероятная? В Советском Союзе тогда, по-моему, было 250 миллионов жителей – письма подписали около тысячи человек. Разные письма протеста. Для нас это было невероятно. Это было очень много, причем, это было из разных республик, из разных городов. Такого, опять-таки, не бывало, и такого, и потом не было. Такой кампании протеста, какая была зимой-весной 68 года. И уже были преследования подписантов – тогда родилось слово – людей увольняли с работы, или объявляли какие-то выговоры, исключали из партии, что обычно тоже значило увольняли с работы. И вот все ходили и говорили, надо бы нам как-нибудь всю эту информацию собрать, надо бы нам что-нибудь такое издавать. Но ни у кого не доходили руки.

И, когда Наталья Евгеньевна ушла в предпродовую отпуск, она сделала первый выпуск, который назвала не «Хроника», а «Год прав человека в Советском Союзе». Потому что это был год двадцатилетия Всеобщей Декларации прав человека.

И Организация Объединенных Наций объявила его Годом прав человека. Вот было показано как проходит этот год прав человека. А под этим заголовком было подписано «Хроника текущих событий». Ну и потом, постепенно, с годами, этот подзаголовок превратился уже в заголовок. Когда я выпустила уже в 69 году новый номер, это был шестой – «Хроника» выходила раз в два месяца – я написала «Год прав человека в Советском Союзе продолжается». Когда я закончила Хронику и поставила на ней дату 30 апреля 1968 года, выпуск 1-й. Эпиграф: 19-статья Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый человек имеет право получать и распространять информацию». Статья о свободе информации. Я не думала тогда, что Хроника проживет 15 лет. А она прожила до 83-го года.

Наталью Горбаневскую арестовали через год с небольшим, во время подготовки 11-го номера «Хроники текущих событий». Ведь после демонстрации ее оставили на свободе, повесив над ней дамоклов меч в виде заключения психиатрической экспертизы, которое звучало смехотворно: «возможность вялотекущей шизофрении не исключена». Ей было очевидно, что это только отсрочка и что органы просто ждут, пока о ней забудут на Западе, и пока подрастет ее младший сын. Поэтому Наталья Евгеньевна все время думала, кому она передаст «Хронику», и в конце концов передала материалы своей подруге - Галине Габай, жене Ильи Габая, к тому времени уже арестованного.

Я договорилась, что она будет редактировать Хронику, я ей передала все материалы. Забыв одну вещь, что в этот дом, как ни к кому, приходили постоянно с обысками – до ареста Ильи, после ареста Ильи. И опять пришли с обыском. У нее были все материалы. Галина мама утопила их в кастрюле с супом. А когда ко мне пришли 24 декабря 69 года, то у меня материалы, собранные, причем накануне я видела жену политзаключенного, возвращавшуюся со свидания из лагеря. Я у нее забрала все сведения о голодовке в лагере. У меня была масса информации на отдельных листочках, множеством разных почерков. Материалы, которые были накануне лежали у меня в кармане шубы. Остальные материалы у меня лежали в конверте, в ящике письменного стола. Когда я прощалась с Ирой Якир, я надела куртку, хотя был мороз на улице, указала ей на карман шубы и прошептала «прошмонай стол». И потом я два с лишним года не знала, показалось мне, что был этот конверт или он действительно был и материалы к ним не попали ... Было много таких счастливых и смешных историй и не надо думать, что мы все время, понимаете, только страдали и страдали и страдали.

Был и еще один курьезный случай. Во время обыска следователь показал ей документ, который он хотел изъять, и она, увидев, что это автограф Анны Ахматовой, вскрикнула и бросилась его отнимать. В тот момент у нее в руках было лезвие, которым

она чинила карандаш для старшего сына, и борясь со следователем за листы с рукописью Ахматовой, она случайно порезала ему кончики пальцев.

Потекла кровь, один из гебистов в восторге кинулся к телефону извещать моего следователя Акимову, что Горбаневская оказала вооруженное сопротивление. Уже решенный арест получал дополнительное обоснование, а, главное, неизмерима была чекистская гордость – в кои-то веки натолкнулись на вооруженное сопротивление. Увы, я порезала следователя нечаянно. При всем моем пресловутом экстремизме насильственные действия никогда меня не увлекали и вид крови не одушевлял. Я даже извинилась перед Шиловым, о чем он позднее упомянул на суде, но это не помешало ни следствию, ни суду к моей политической 190-й прибавить обвинение в оказании сопротивления сотруднику следственных органов при исполнении служебных обязанностей.

В заключение передачи в исполнении **Нatalьи Горбаневской** прозвучит ее стихотворение из цикла Площадь Несогласия:

Войдите, не выйдите,
сделайте шаг.
Вкусите и видите,
как Господь благ.

И не он сотворил ГУЛАГ,
а XX век
и человек,
а значит, и я и ты.

Вы слушали программу Облака.
Всем привет.